

ЛЕКСИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА, РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩАЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ГЕОГРАФИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ СТРАНЫ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Рассматриваются различные группы лексики, мотивированной представлениями о географическом пространстве страны и прежде всего о его основном параметре – размере страны. Поскольку данный фрагмент языковой картины мира является сложным по структуре и содержанию, то его описание представляется актуальным как в собственно лингвистическом, так и в методическом аспектах.

Ключевые слова: языковая картина мира, культуромаркированная лексика, концепт «пространство», лексическая парадигма, ментальные концепты, лингвокультурология, обучение РКИ.

О. Rotmistrova

LEXICAL PARADIGM REPRESENTING A GEOGRAPHICAL SPACE OF THE COUNTRY IN THE RUSSIAN LANGUAGE WORLD PICTURE

Various word groups representing the geographical space of the country, most of all, its size, are regarded. This language world picture fragment being complex in structure and content, it is claimed that its description is very relevant both for linguistics and methodology.

Keywords: language world picture, culturally marked vocabulary, concept “space”, lexical paradigm, mental concepts, teaching Russian as a foreign language.

Одним из важных фрагментов языковой картины мира, которая представляет собой зафиксированную в языке схему восприятия, концептуализации и систематизации действительности (Ю. Д. Апресян, В. В. Воробьев, Д. Б. Гудков, В. Н. Телия и др.), являются вербализованные представления о географическом пространстве страны.

Пространство, представляющее собой фундаментальную категорию философии, социологии, естествознания, этнопсихологии и других наук, является актуальным объектом лингвистических исследований: «Пространство – одна из первых реалий бытия, которая воспринимается и дифференцируется человеком. Оно организуется вокруг человека, ставящего себя в центр

макро- и микрокосмоса. Не случайно не только пространство дифференцируется подробно языковыми средствами во всех языках, но оно оказывается в основе формирования многих типов номинаций, относящихся к другим, непространственным сферам» [1, с. 670].

Целью нашего исследования является один из аспектов концепта «пространство», а именно представления о географическом пространстве страны, обусловившие содержание значительного фрагмента языковой картины мира.

По мнению многих мыслителей (историков, культурологов, философов, литературоведов, писателей, лингвистов), так называемый «географический фактор» во многом определяет культуру, психологию и менталитет этноса (см. работы Н. А. Бердяева, Г. Гачева, Н. В. Гоголя, Л. Н. Гумилева, В. О. Ключевского, И. Б. Левонтиной, Д. С. Лихачева, Ю. М. Лотмана, А. В. Сергеевой, В. М. Соловьева, А. Д. Шмелева, И. А. Шмелевой и др.). Так, Ю. М. Лотман, исследуя введенное им понятие «географическое пространство», пишет о принадлежности географического пространства к одной из форм пространственного конструирования мира в сознании человека, о его тесной связи с общей картиной мира: «Возникнув в определенных исторических условиях, оно (географическое пространство) получает различные контуры в зависимости от характера общих моделей мира, частью которых оно является» [9, с. 297]. По мнению И. А. Шмелевой, «культура любого этноса формируется в связи с особенностями географической среды, а язык и культура, в свою очередь, также имеют тесную взаимосвязь, и изучение языка предполагает учет различных антропологических и культурных факторов» [6, с. 11]. В работах Г. Гачева национальная целостность рассматривается как «единство местной природы (Космос), характера народа (Психея) и склада мышления (Логос)» [2, с. 13].

Среди различных характеристик географического пространства страны (к которым

относятся размер, рельеф, ландшафт и т. д.) именно размер страны в наибольшей степени определил направленность русской литературной, философской и политической мысли. Как отмечают авторы работы «Лингвистический анализ языка. Языки пространств», «тема пространственной беспредельности – один из структурообразующих элементов русской культуры» [8, с. 338]. А. В. Сергеева пишет о том, что «владея огромными территориями, русские веками имели такую пространственную свободу, которая и не снилась другим европейским народам, сдавленным тесным пространством» [10, с. 115]. Китайский журналист Ван Сяньцзюй, работающий в России, отметил: «Когда живешь в этой стране долго, понимаешь, как трудно ее понять. Здесь поистине гигантские размеры» [11, с. 50]. Как видно из приведенных высказываний, размер географического пространства страны получает неоднозначные оценки.

Размер страны становится не только предметом авторских рефлексий, он востребован и в повседневной культуре, особенно в рекламных текстах. Так, например, один из видов российских конфет называется «Родные просторы», известная марка водки носит название «Русский размер», в рекламе пива «Балтика» оно характеризуется как: «*что-то такое большое, как наша страна*» и т. д.

По данным «Русского ассоциативного словаря» под редакцией Ю. Н. Караулова, ассоциативные представления о стране также во многом обусловлены её размером. Так, на стимул «страна» в данном словаре наиболее частотными являются реакции *большая* (46), *огромная* (38) и др.

Анализ различных словарей русского языка позволил выделить значительную группу лексических единиц, репрезентирующих представления о размере страны в РЯКМ.

Материалы словарей («Словарь русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой, «Сло-

варь синонимов русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой, БАС, «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, «Новый словарь русского языка» Т. Ф. Ефремовой, «Словарь живого великорусского языка» В. И. Даля и др.) позволили определить базовый для описываемого фрагмента ЯКМ синонимический ряд: *страна, край, земля, территория, государство, сторона, сторонка, местность* и др., толкования членов которого, как правило, включают указания на размер территории. Ср., например: *страна* – обширная территория; *край* – определенное, более ограниченное в размерах пространство; *местность* – определенная и меньших размеров территория; *сторона* и *сторонка* – ограниченное в пределах земельное пространство; и др.

Учет обширных синтагматических, парадигматических, деривационных, ассоциативных связей названного синонимического ряда позволил сформировать значительную группу лексических единиц (более 100), включающих сему размера, репрезентирующих представления о размере страны и передающих его образное восприятие.

Неоднородность рассматриваемого лексического материала обусловлена тем, что, помимо номинации собственно физических параметров размера, языковые единицы содержат его оценочное восприятие, образные интерпретации, метафорические пересмысления. Характеризуя сложность восприятия пространства, исследователи отмечают, что поскольку «пространственные отношения неизменно выступают первичными организующими в структуре картины мира», то «восприятие пространства в картине мира всегда трактуется в системе мировоззренческих оппозиций, релевантных для данного культурно-исторического сообщества: специфические черты того или иного конкретного пространства определяются отношениями не между объектами, а оценочным отношением к пространству субъекта, обычно коллективного» [5, с. 136].

Анализ денотативного, коннотативного, ассоциативного содержания выделенной группы лексики позволяет говорить о нескольких уровнях репрезентации размера географического пространства, составляющих определенную парадигму, актуальную для задач методики обучения РКИ. Парадигма в широком обобщении представляет «любой класс лингвистических единиц, противопоставленных друг другу и в то же время объединенных по наличию у них общего признака или вызывающих одинаковые ассоциации, чаще всего – совокупность языковых единиц, связанных парадигматическими отношениями» [6, с. 366], которые в лексике характеризуются тем, что «в значениях парадигматически противопоставленных слов (целостных самих по себе) могут быть выделены отдельные семантические элементы – семантическая тема, объединяющая слова в тематическую группу или лексико-семантическую парадигму, и дифференциальные семантические признаки, по которым слова, входящие в данную группу, противопоставлены друг другу» [13, с. 189].

К таким группам лексики, репрезентирующей представления о размере страны, относятся:

- лексика (параметрические прилагательные), непосредственно называющая размер любого объекта (*большой, широкий, огромный* и др.);
- лексические единицы (прилагательные, наречия, глаголы, причастия, деепричастия), в которых семантика размера направлена на пространственные объекты и осложнена за счет образного указания на такие свойства и особенности объектов, которые свидетельствуют об их размере опосредованно (*необозримый, необозримо, раскинутый, раскинувшийся* и др.);
- лексика (имена существительные), называющая пространственные объекты и передающая «чувства душевного подъема или спада» (*простор, ширь, приволье, теснота* и др.);

• имена ментальных концептов, характеризующих поведение, мировоззрение человека, так или иначе мотивированное размером страны (*воля, свобода, удаля, тоска* и др.).

Обозначенные уровни лексической парадигмы являются неоднородными и сложными по организации.

Первая группа лексики (группа параметрических прилагательных) способна непосредственно передавать общее значение размера любого объекта (конкретного, абстрактного, пространственного и др.). Традиционно параметрические прилагательные дифференцируются в зависимости от «нормы», которая понимается как средний размер объектов, следовательно, остальные параметрические прилагательные толкуются по схеме «такой, параметр размера которого больше / меньше нормы» [14, с. 714–715]. Внутри этой группы прилагательных также происходит дифференциация параметров размера, т. е. собственно параметрическая лексика способна передавать отклонение от большого / маленького размера. Ср.: большой – огромный, громадный, обширный, колоссальный, исполинский и др.; маленький – крошечный, микроскопический и др.

Анализ лексикографических источников и текстов художественного и публицистического характера (по данным Национального корпуса русского языка) позволил заключить, что подавляющее большинство характеристик размера страны в русской языковой картине мира связано с *максимальной степенью его проявления*. Об этом свидетельствует и ассоциативное поле к стимулу «страна» в «Русском ассоциативном словаре», где измерения *узкий, короткий, маленький* и т. п. практически не представлены.

Следует отметить, что актуальность именно большого размера в представлениях о стране характерна не только для русской языковой картины мира. Так, Ю. С. Степанов делает интересный вывод о

том, что страна получает характеристику *широкая* не потому, что она реально имеет большой размер, а потому, что представления о стране как о *большой* составляют *архетип культуры*, т. е. любая страна, независимо от ее размера, в представлениях живущего в ней народа выглядит как широкая. Ю. С. Степанов замечает, что известная песня «Широка страна моя родная» не является советской пропагандой, а буквально повторяет выражение, обычное и у древних римлян: *Late patet patria mea* – «Широко раскинулась родина моя», и в «древнеиндийской культуре прилагательное женского рода со значением “широкая” является также именем существительным “Земля; страна” (*prtivi*)» [12, с. 171].

Помимо собственно параметрической лексики, непосредственно называющей размер любого объекта, в русском языке функционирует значительное количество слов, образующих группу лексики (имена прилагательные, глаголы, наречия, причастия, деепричастия), в которой общее значение размера конкретизируется, поскольку относится преимущественно к пространственным объектам значительного размера, что находит отражение и в толкованиях, и в типичной сочетаемости лексем. Ср.: в словаре С. И. Ожегова: *раскинуться* – расположиться на большом *пространстве*; *простираться* и *расстилаться* – распространяться, занимая какое-либо *пространство*; *необъятный* – огромный по размерам (*необъятное пространство*) или *необозримый* – огромный, беспредельный (океан, *пространство*); *безграничный* – не имеющий видимых границ, *безбрежный* (*безграничные просторы*); *безбрежный* – такой широкий, что не видно берегов, простирающийся на необозримое *пространство* (*безбрежное море, безбрежные степи*); *бескрайний* – не имеющий видимых пределов края (уст. сочет. *бескрайний простор*).

В этой группе лексики общая семантика размера осложняется за счет дополнитель-

ных семантических элементов, отражающих свойства и особенности объекта, которые указывают на размер опосредованно, образно и эмоционально (посредством образного и эмоционального указания на какие-либо свойства и особенности простран-

ственного объекта (*не имеющий видимых границ, не имеющий края, не имеющий видимых берегов, располагающийся на большом пространстве*). Данная группа лексики представлена в таблице:

Лексические единицы, образно передающие представления о больших пространственных объектах	
Глаголы (причастия и деепричастия)	Простираться (простирающийся, простираясь) Раскинуться (раскинувшийся, раскинувшись) Распластаться (распластавшийся, распластавшись) Расползаться (расползающийся, расползаясь) Расстилаться (расстилающийся, расстилаясь)
Прилагательные и наречия	Безграничный (безгранично) Беспредельный (беспредельно) Бесконечный (бесконечно) Бескрайний (бескрайне) Безбрежный (безбрежно) Необъятный (необъятно) Неохватный (неохватно)

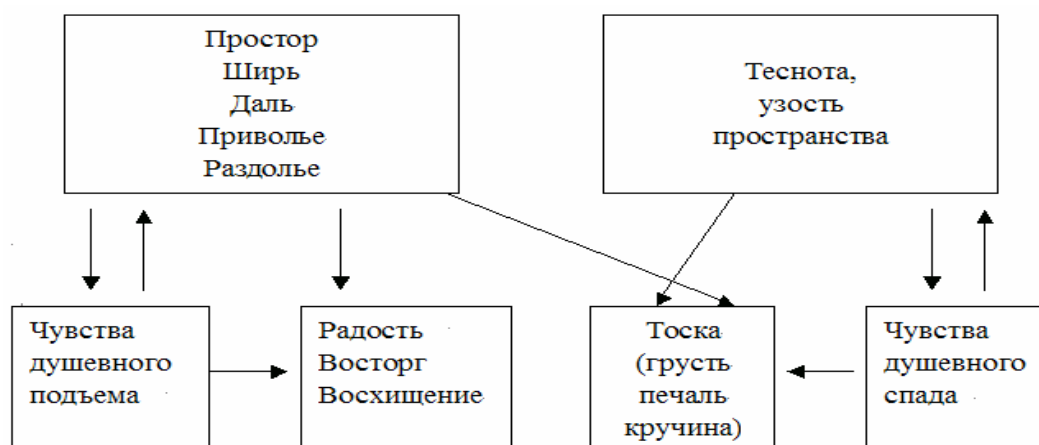
В русской языковой картине мира выделяется группа лексики, общее значение которой связано с размером пространственного объекта и которая способна передавать «чувства душевного подъема и спада» (термин А. П. Евгеньевой, см.: «Словарь синонимов русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой). В этой группе лексики семантика размера осложнена дополнительным компонентом, передающим, как правило, *чувство душевного подъема* и транслирующим позитивную оценку большого пространства. По данным «Словаря синонимов русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой, это чувство душевного подъема передают такие понятия, как *раздолье, приволье, простор, ширь, даль*, а слова, имеющие противоположное значение, вызывают *чувство тоски*.

Исследователи (И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев и др.) отмечают, что широта, беспредельность пространства в русском языковом сознании вызывает сложные ощущения и настроения. С одной стороны, это раздолье, приволье, радость от простора; с другой стороны, широкое пространство, невидимость границ вызывает чувство тоски. Ср.: *И знакомые взору просторы уж*

не так под луной хороши. Буераки, пеньки... косогоры обпечалили русскую ширь (Есенин. *Этой грусти теперь не рассыпать*); *Вижу чудное приволье, вижу нивы и поля. Это русское раздолье, это русская земля!* (русская народная песня «Вижу чудное приволье»).

Таким образом, передавая чувства душевного подъема или спада, лексемы данной группы содержат эмоционально-оценочные компоненты, которые чаще являются положительными и реже – отрицательными (см. схему).

Следует отметить, что семантика данной группы лексики осложняется тем, что у многих лексем данного ряда развиваются вторые, переносные значения, отражающие особенности чувства, настроения (ср. МАС, словарь С. И. Ожегова: *приволье* – широкое просторное место, местность // полная свобода, вольная жизнь; *раздолье* – широкое свободное пространство // свобода поступать по-своему (разг.): *Ему теперь дома раздолье; Детям приволье на даче; Севастополь в то время был наполовину в развалинах, и для мальчишеских игр приволье было полное* (А. Крылов. *Мои воспоминания*).

По мнению ряда исследователей, представления о размере страны находят отражение и в содержании многих концептов, являющихся ключевыми для русской культуры.

Анализ работ по культурологии, лингвокультурологии, лингвистике, страноведению (см. работы А. Вежбицкой, И. Б. Левонтиной, О. А. Леонтович, Д. С. Лихачева, А. В. Сергеевой, В. М. Соловьева, С. Г. Тер-Минасовой, А. Д. Шмелева и др.) позволяет наметить значительный список концептов, которые, по мнению исследователей, мотивированы географическим пространством страны: *свобода, воля, тоска, подвиг, удаль, разгул, размах, загул, хлебосольство, безудержность, безответственность* и мн. др. Следует сказать, что имена подобных концептов не всегда являются отдельными лексемами. Иногда они вербализованы словосочетанием, например: *широта души, любовь к быстрой езде, отсутствие мелочности* и др.

Подчёркивая специфичность подобных концептов, Д. С. Лихачев отмечал: «Широкое пространство всегда владело сердцами русских. Оно выливалось в понятия и представления, которых нет в других языках» [7, с. 158]. По общему мнению исследователей, большие пространства порождают не только любовь к движению, к перемещению, к быстрой езде, но и безудержность в поведении и чувствах, что нередко приво-

дит человека к крайностям, лишает середины (нормы), вызывая максимальную степень, масштабность в проявлении тех или иных реакций, эмоций, действий и т. п. Ряд таких концептов позитивно характеризует национальный характер: *широта души, готовность к подвигу, хлебосольство* и др. Часть концептов содержит явно негативную оценку, например: *безответственность, склонность к загулу, к запою* и др.

Особенно интересными для исследователей и сложными для представления в иностранной аудитории являются концепты, неоднозначно характеризующие русскую ментальность: *удаль, безудержность, размах, любовь к быстрой езде* и др. Ср.: *удаль – безудержная смелость в соединении с беспечностью, бойкостью, задором, решительностью и размахом действий* («Словарь синонимов русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой); *удаль – безрассудная, безудержная, бесполезная, бесстрашная, заносчивая, необузданная* и др. («Словарь эпитетов русского литературного языка» К. С. Горбачевича).

Таким образом, в данной группе лексики семантика размера является имплицитной, включённой в неоднозначные антропоморфные характеристики.

Содержание этих концептов вызывает большой интерес у иностранных учащихся продвинутого этапа обучения и требует особого подхода на уроках РКИ. Если пер-

вый уровень лексической парадигмы эксплицирует размер страны как физико-географическую величину, то второй, третий и особенно четвертый уровни лексики, включающие оценочное, образное содержание, нередко имплицитно передающие представления о размере страны, требуют особой методики представления в иностранной аудитории.

Таким образом, дифференцирующими для выделенных лексических групп являются не только различная степень сложности семантики размера, различная степень её эксплицитности / имплицитно-

сти, но и различная степень культурной маркированности лексики. Если первая из выделенных групп является наиболее универсальной и «культуронемаркированной», то последняя группа отмечена наибольшей культурной специфичностью.

Презентация культуромаркированной лексики в иностранной аудитории, помимо традиционных форм представления (словарных толкований, учебных комментариев и др.), требует привлечения художественных и публицистических текстов, данных ассоциативных словарей, методики концептуального анализа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гак В. Г. Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 768 с.
2. Гачев Г. Национальные образы мира. Соседи России. Польша, Литва, Эстония. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 384 с.
3. Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. М.: Языки славянской культуры, 2005. (Язык. Семиотика. Культура). 544 с.
4. Касевич В. Б. Буддизм. Картина мира. Язык. 2-е изд. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2004. 282 с.
5. Кросс-культурная психология: актуальные проблемы: Сб. статей / Под ред. Л. Г. Почебут, И. А. Шмелевой. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. 377 с.
6. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.
7. Лихачев Д. С. Письма о добром. СПб., 2006. 256 с.
8. Логический анализ языка. Языки пространств / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. М.: Языки русской культуры, 2000. 448 с.
9. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб., 2000. 704 с.
10. Сергеева А. В. Какие мы, русские? (100 вопросов – 100 ответов). Книга для чтения о русском национальном характере/ А. В. Сергеева. М.: Русский язык. Курсы, 2006. 336 с.
11. Соловьев В. М. Тайны русской души. Вопросы. Ответы. Версии: Книга для чтения о русском национальном характере для изучающих русский язык как иностранный. М.: Рус. яз. Курсы, 2003. 200 с.
12. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Академический Проект, 2001. 990 с.
13. Шмелев Д. Н. Современный русский язык. Лексика: Учебное пособие для студентов пед. ин-тов по специальности «Рус. яз. и литература». М.: Просвещение, 1977. 335 с.
14. Языковая картина мира и системная лексикография / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская, Б. Л. Иомдин, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, А. В. Санников, Е. В. Урысон / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2006. (Studia philologica). 912 с.

REFERENCES

1. Gak V. G. Jazykovye preobrazovanija. M.: Shkola «Jazyki ruskoj kul'tury», 1998. 768 s.
2. Gachev G. Nacional'nye obrazy mira. Sosedi Rossii. Pol'sha, Litva, Estonija. M.: Progress-Tradicija, 2003. 384 s.
3. Zaliznjak Anna A., Levontina I. B., Shmelev A. D. Kljuचेvye idei ruskoj jazykovej kartiny mira: Sb. st. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2005. (Jazyk. Semiotika. Kul'tura). 544 s.
4. Kasevich V. B. Buddizm. Kartina mira. Jazyk. 2-e izd. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2004. 282 s.

Средства выражения категории культурспецифичности в аналитических медиатекстах ...

---

5. Kross-kul'turnaja psihologija: aktual'nye problemy: Sb. statej / Pod red. L.G. Pochebut, I.A. Shmelevoj. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2005. 377 s.
6. Lingvisticheski jenciklopedičeskij slovar' / Gl. red. V. N. Jarceva. M.: Sov. jenciklopedija, 1990. 685 s.
7. *Lihachev D. S.* Pis'ma o dobrom. SPb., 2006. 256 s.
8. Logičeskij analiz jazyka. Jazyki prostranstv / Otv. red. N. D. Arutjunova, I. B. Levontina. M.: Jazyki ruskoj kul'tury, 2000. 448 s.
9. *Lotman Ju. M.* Semiosfera. SPb., 2000. 704 s.
10. *Sergeeva A. V.* Kakie my, russkie? (100 voprosov – 100 otvetov). Kniga dlja čtenija o russkom nacional'nom haraktere / A. V. Sergeeva. M.: Russkij jazyk. Kursy, 2006. 336 s.
11. *Solov'ev V. M.* Tajny ruskoj duši. Voprosy. Otvety. Versii. Kniga dlja čtenija o russkom nacional'nom haraktere dlja izučajuwih russkij jazyk kak inostrannyj. M.: Rus. jaz. Kursy, 2003. 200 s.
12. *Stepanov Ju. S.* Konstanty: Slovar' ruskoj kul'tury: Izd. 2-e, ispr. i dop. M.: Akademičeskij Proekt, 2001. 990 s.
13. *Shmelev D. N.* Sovremennyj russkij jazyk. Leksika. Učebnoe posobie dlja studentov ped. in-tov po special'nosti «Rus. jaz. i literatura». M.: Prosvěšćenie, 1977. 335 s.
14. Jazykovaja kartina mira i sistemnaja leksikografija / V. Ju. Apresjan, Ju. D. Apresjan, E. Je. Babaeva, O. Ju. Boguslavskaja, B. L. Iomdin, T. V. Krylova, I. B. Levontina, A. V. Sannikov, E. V. Uryson; Otv. red. Ju. D. Apresjan. M.: Jazyki slavjanskih kul'tur, 2006. (Studia philologica). 912 s.